

Ризничие Московской Руси

Аннотация. Упоминания архиерейских ризничих в древнерусских письменных источниках свидетельствуют, что помимо хранения предметов богослужебной утвари они участвовали в значимых мероприятиях церковной и общественной жизни. Наличие у ризничих сана диакона говорит о частичном действии на Руси принятой в греческой церкви традиции исполнения функций церковных управленцев диаконами. Известен прецедент назначения диакона не только на должность ризничего, но и на Московский печатный двор. Это был первопечатник Иван Федоров, диакон кремлевского храма Николы Гостунского. Исполнение двух важных церковных должностей патриаршего ризничего и казначея в начале XVIII века одним лицом, о чем мы узнаем из надписи на надгробии Николо-Перервинского монастыря, рассматривается как фактическое проявление сокращения патриаршего аппарата.

Ключевые слова: ризничие, диаконы, церковное управление, патриарший двор, Успенский собор

Для цитирования: Давиденко Д. Г. Ризничие Московской Руси // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. 2025. № 3(7). С. 47–54.

Работа выполнена в рамках плановой темы «Эталонные памятники археологии Московской Руси и Российской империи: монастырь и город в ландшафте XIV–XIX веков» (№ НИОКТР 122011200385-1).

Христианский храм предусматривал комплектование и сохранение собрания церковной утвари, то есть ризницы, которое могло включать священнослужительские облачения, богослужебные сосуды, книги и др. Наиболее богатыми были ризницы при архиерейских кафедрах и крупных монастырях. За них отвечали специальные должностные лица, именовавшиеся в источниках ризничими.

В литературе обращалось внимание на заимствование должности ризничего из греческой церкви (скевофилакса) о традиции назначения на нее, также по примеру греческой церкви, диаконов. Поэтому участок в алтаре, предназначенный для хранения церковной утвари к югу от основного престола, назывался диаконником [Летопись, 1868, с. 46].

Митрополичья ризница наряду с казной упоминаются в летописной «Повести о Митяе» [ПСРЛ, 1965, стб. 125, 129–131] в связи с событиями 1378–1379 годов, хотя в источнике не сказано, существовала ли тогда специальная должность ответственного за ризницу.

В предлагаемой статье анализируются упоминания ризничих в древнерусских письменных источниках, позволяющие делать некоторые предположения об их стату-

се и должностной компетенции. Изложение строится по территориально(епархиально)-хронологическому принципу: сначала речь идет о первенствующей, то есть московской кафедре, затем – новгородской и тверской. Хронологические рамки охватывают XVI – начало XVIII века. Нижняя граница маркируется систематическим упоминанием должности ризничих в древнерусских источниках, верхняя – временем завершения Московского царства, предшествующим возникновению у государства статуса империи, у церкви – синодальной формы правления.

Послание преподобного Максима Грека к преподобному Алексею о тафиях, составленное около 1547 года, заканчивается восхвалением священнодиакона Вассиана ризничего, жалование которого дошло до автора [Сочинения прп. Максима Грека, 1860, с. 382–386; Иванов, 1969, с. 168–169. № 247]. Поскольку в документе упоминается митрополит, можно предположить, что Вассиан был митрополичьим ризничим. Двадцать четвертого февраля 1549 года на митрополичьем дворе в Белой палате состоялся соборный суд над Исаком Собакой, в котором участвовал ризничий Феодосий. Он отмечен после московских протопопов, игумена Новинского монастыря Ануфрия, перед новгородским архиdiaконом Сергием и поименно названными игуменами некоторых московских монастырей [Судные списки, 1971, с. 139]. Документ не указывает, какой он имел сан, а участие в митрополичьем суде свидетельствует о важности его положения и позволяет видеть в нем ризничего скорее митрополита, чем какого-либо иного архиерея или монастыря. В приговорной грамоте о продолжении военных действий против польского короля от 2 июля 1566 года отмечен «митрополичей ризничей старец Герасим». Он отмечен последним из членов Освященного собора, после старцев Иосифова монастыря и также последним из представителей духовенства подписал документ [Антонов, 2004, с. 172, 181].

Приведенные примеры подсказывают, что митрополичьи ризничие на тот момент эпизодически участвовали в Освященных соборах, куда входили архиереи, настоятели наиболее значимых монастырей, почитаемые монастырские старцы.

Патриаршая казна (с 1589 года русская церковь приняла патриаршую форму правления) обычно складывалась из трех компонентов: ризная, домовая и келейная. Ризная казна включала богослужебные предметы, передававшиеся от одного первосвященника к другому, и являлась собственностью кафедры. Домовая казна состояла из предметов домашнего патриаршего быта и принадлежала патриаршему двору. Келейная казна – личная собственность каждого патриарха в отдельности. Ризная казна находилась в заведывании патриарших ризничих, а домовая и келейная – в заведывании казначеев [Викторов, 1875а, с. 10–11]. При каждой такой казне были книги и рукописи.

В описи Успенского собора начала XVII века, составленной, по мнению Т. С. Борисовой в период со 2 апреля 1609 по 19 марта 1611 года [Борисова, 1985, с. 258], начальная часть которой утрачена, в качестве ризничих предметов соборной церкви упоминались плащаницы, покровы (в том числе и над погребениями митрополитов), воздухи, хоругви, пелены от образов, наложные сорочки, ризы протопопские, патрахили, стихари, поручи, орари иных священнослужителей, церковные сосуды [Описи, 1876, стб. 344–359], однако трудно сказать, идет речь о соборной ризнице или о патриаршей.

Во всяком случае, к 1620-м годам в важнейшей епархии сложилась традиция описывать главный храм кафедры отдельно от патриарших ризниц. Так, в описи Успенского собора, заведенной 25 июня 1627 года, сказано, что она охватывает все предметы храма: «переписывали Божие милосердие, образ Пречистые Богородицы Владимирские и все образы окладные и неокладные, у образов приклады и цаты, и рясы, и каменья, яхонты и изумруды, и лалы, и всякое каменье, каков которой камень цветом, и жемчуг, и приклад-

ные кресты, и понагеи, и золотые, и пелены низанные жемчужные, и чудотворцовы раки, и покровы, и ризы всякие, и свечи месные и поставные, и всякую церковную казну, опроче патриарших ризниц» [Описи, 1876, стб. 373–374]. Это при том, что ризная казна находилась в Успенском соборе, как это видно из описи патриаршей ризницы 1631 года, когда патриарх Филарет указал Павлу Ивановичу Волынскому «переписать в соборной церкви Пречистыя Богородицы свою государеву патриаршу ризную казну». Книги, как сказано в том же источнике, находились «на его патриарше дворе в книгохранительнице» [Викторов, 1875б, с. 5–6]. Такие же условия содержатся в описях патриаршей ризницы за 1633 и 1658 годы [Викторов, 1875а, с. 18, 28–29]. Ризницы (видимо, как Успенского собора, так и патриаршая) размещались на полотах, устроенных к югу от основного алтаря Успенского собора. В приделе Похвалы Богородицы, размещенном к югу от основной апсиды, облачались святители во время поставления [Снегирев, 1842–1845, с. 8–9]; очевидно, они облачались у ризницы. Однако в 1650-е годы к северу от собора был расширен патриарший двор, куда и перенесли патриаршую ризницу [Толстая, 1979, с. 12, 14, 27, 39]. По И. Е. Забелину, ризница была помещена в Малой (Новой) крестовой палате, перед церковью Двенадцати апостолов [Забелин, 1995, с. 509, 519, 523, 524; Материалы, 1884, стб. 937].

Судя по тому, что в частично сохранившейся описи Успенского собора начала XVII века среди ризничных предметов отмечены протопопские и священнослужительские облачения, а не архиерейские, можно думать, что патриаршая ризница не была учтена ее составителями, то есть что уже тогда соборная и патриаршая ризницы были разведены, хотя и хранились рядом.

По-видимому, разделение патриаршей ризницы и ризницы Успенского собора [Викторов, 1875а, с. 5] аналогично тому, как земельные владения московских первосвятителей были отделены от вотчин причта Успенского собора. Разграничение земельных владений, по мнению исследователей, произошло в конце XV века [Шмелев, 1908, с. 34–35, 50–51, 98–99; Назаров, 1998, с. 7–8, 13 (прим. 8), 15].

Как видно из преамбулы к описи Успенского собора 1627 года, она была составлена по указу царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета князем Лукой Осиповичем Щербатовым и дьяком Андреем Вареевым и отдана «ключарем Ивану Дорофееву да Ивану ж» [Описи, 1876, стб. 374], которые, очевидно, и отвечали за сохранность церковной утвари, а следовательно, и ризницы собора. Ключарь Иван Дорофеев и выступал основным информатором об изменении в составе утвари и имущества Успенского собора [Описи, 1876, стб. 418, 447, 476, 477, 481 и др.]. В описи собора 1638 года отмечены предметы, хранившиеся в большой ризнице» [Описи, 1876, стб. 525–550], у протопопа в ризнице» [Описи, 1876, стб. 550–551], у протодьякона в ризнице» [Описи, 1876, стб. 551–552], а также облачения, относящиеся к иным служителям [Описи, 1876, стб. 552–561]. Если предположить, что ответственность за соборную ризницу с начала ее существования несли соборные клирики, то упоминание архиерейских (причем не только митрополичьих) ризничих в середине XVI века склоняет к мысли, что уже тогда они (а не клирики кафедрального собора) отвечали за ризницы святителей, то есть что к тому времени архиерейские ризницы существовали отдельно от соборных ризниц.

С упразднением патриаршества и учреждением Священного синода ризная и домовая казна объединились в синодальную ризницу; также объединились книжные собрания [Викторов, 1875а, с. 12–13].

Опись патриаршей ризницы 1631 года включает архиерейские саккосы (старейший – саккос митрополита Петра, и далее по хронологии), святительские шапки, омофоры, патрахели, подризные стихари, палицы, поясы, поручи, панагии, парманады, сулки, посо-

хи, рипиды, сосуды, книги, рукомойники, кадила, лампы, ширинки, полотенца, архиерейские стихари и орари, поповские ризы, подъяческие стихари, ковры для архиерейских служений и орлецы, бытовые предметы, четьи книги (135 номеров). Патриаршая ризная казна располагала не только книгами, предназначенными для богослужений, но и иными книгами, в том числе иностранными [Володихин, 1998, с. 364]. Как правило, описи патриаршей ризницы составлялись светскими людьми (окольничим или боярином и дьяком), а затем передавались ризничему священнодиакону на хранение [Викторов, 1875б, с. 5–6].

По наблюдению Д. М. Володихина, в XVII веке ризничие подчинялись непосредственно патриарху, минуя кого-либо из его чиновников. На основании материалов Приказа книгопечатного дела, а также книг Патриаршего казенного приказа Д. М. Володихин частично восстановил персональный состав патриарших ризничих с 1630-х по 1690-е годы. По его наблюдению, все патриаршие ризничие имели диаконское звание, и как можно думать на основании упоминаний, относились к черному духовенству и довольно часто сменялись [Володихин, 1998, с. 364–365].

В частности, Д. М. Володихин обратил внимание на упоминание под 1653 год патриаршего ризничего Лаврентия [Володихин, 1998, с. 365], который в следующем 1654 году занял тверскую кафедру [Усачев, 2023, с. 86], а в 1657-м заступил на казанскую кафедру.

Синодик московского Чудова монастыря упоминает среди братии этой обители «священнодиакона инока Иова, ризничий патриарш» [Алексеев, 2019, с. 125]¹. Четко фиксируется наличие у него диаконского сана. По данным Д. М. Володихина, черный дьякон Иев занимал должность патриаршего ризничего с 1655 по 6 ноября 1657 года [Володихин, 1998, с. 365 (прим. 6)], хотя И. Е. Забелин приводит его упоминание под 16 января 1653 года [Забелин, 1995, с. 588]; возможно, он временно уступил свою должность Лаврентию, а потом снова занял ее.

Н. Писарев составил сводную ведомость служилым людям патриаршего двора за 1667 и 1682 годы. В обоих случаях отмечен один ризничий, получавший 10 рублей [Писарев, 1991. Прил. XI, с. 47].

Недавнее исследование Н. А. Астафьевой позволило уточнить биографию иеродиакона Филарета (в миру Никита Никитич Кудрявцев), ризничего и казначея Патриаршего дома, скончавшегося 29 июня 1707 года в возрасте 32 лет и погребенного в московском Николо-Перервинском монастыре, сына казанского воеводы Никиты Елеферьевича Кудрявцева. Судя по записи в синодике Николо-Перервинского монастыря 1735 года и месту погребения, иеродиакон Филарет был приписан именно к этой обители, которую особо почитал патриарх Адриан [Астафьева, 2024, с. 79–81]². Важно, что управление патриаршими ризницей и казной на момент смерти иеродиакона Филарета было в одних руках, что в XVII веке не практиковалось [Володихин, 1998, с. 364–370]. По-видимому, обе должности иеродиакона Филарет занял уже в первые годы XVIII века, когда скончался последний патриарх досинодальной эпохи Адриан. Во всяком случае, Д. М. Володихин отмечает под 26 сентября 1699 года ризничего иеродиакона Боголепа, а должность патриаршего казначея до конца 1700 года, по его же изысканиям, занимал старец Тихон Макарьевский [Володихин, 1998, с. 365 (прим. 6), 370]. Видимо, церковная политика Петра I первых лет XVIII века предусматривала и оптимизацию патриаршего аппарата: две значимые должности теперь оказались в руках одного человека³.

¹ Следом за ним упоминается священнодиакон инок Макарий ризничий Чудовский.

² Напомним, что ранее патриарший ризничий священнодиакон Иов был приписан к Чудову монастырю.

³ Фразу эпитафии «ризничей[ей] и казначей патриаршеского дому» [Астафьева, 2024, с. 79, 81] трудно интерпретировать как куратор ризной казны, т. е. только ризничий. Такому чтению мешает соединительный союз «и».

Должность ризничего была заметной и в других епархиях. Архиепископ новгородский Феофил до поставления на кафедру в 1471 году исполнял должность протодиакона и ризничего [Летопись, 1868, с. 46]. Когда в 1571/72 году на новгородскую кафедру заступил архиепископ Леонид, ранее бывший архимандритом московского Чудова монастыря, он «велил свою настольную грамоту чести на амбоне Якову резнечему своему, дал на Москви митрополит Антоней в Новгород на владычество, пред всем собором, в слух людем всем» [Новгородские летописи, 1879, с. 113–115]. Этот эпизод подсказывает, что архиерейский ризничий входил в ближний круг святителя и выполнял не только хранительские, но и представительские функции. В пользу этого свидетельствуют и приведенные выше примеры участия митрополичьих ризничих в соборных заседаниях XVI века. Когда новгородскую кафедру занимал Никон (будущий патриарх), при нем служил ризничим иеромонах Деревяницкого монастыря Мисаил, заступивший в 1651 году на рязанскую кафедру [Усачев, 2023, с. 86].

Выше упоминавшийся Максим Грек был знаком и общался не только с ризничим диаконом Вассианом, но с ризничим тверского архиерея Вениамином, упомянутым в выходной записи на греческом языке на греческой рукописи Псалтыри 1540 года: «Написана сия Псалтирь в городе Твери, рукой и трудом некоего Святогорского Ватопедского монаха по имени Максим, в год 48-й восьмой тысячи, на средства Вениамина, благочествейшего иеродиакона и священнохранителя Богом возлюбленного епископа Твери господина Акакия» (перевод) [Фонкич, 2003, с. 45]. Заметим, что в данном случае ризничий, заказавший рукопись Максиму Греку, имел сан иеродиакона и был достаточно состоятельным человеком, обучавшимся у Максима Грека греческому языку. Руке Вениамина, по предположению исследователей, принадлежат и некоторые русские тексты, сохранившиеся в рукописи. Затем рукопись перешла к сподвижнику Ивана IV священнику московского Благовещенского собора Сильвестру, позднее – в Кирилло-Белозерский монастырь, в конце XVIII века – в новгородский Софийский собор и сейчас сохраняется в составе этого собрания в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Заказчик рукописи Вениамин, согласно записи на ней, позднее стал архимандритом [Фонкич, 2003, с. 45, 76, 79, 83].

Записи поминальных расходов по патриарху Питириму от апреля 1673 года безлично упоминают ризничих казанского, ростовского, крутицкого митрополитов, тверского архиепископа и архангельского епископа, а также патриаршего ризничего [Писарев, 1991. Прил., с. 166, 168, 170].

По наблюдению иеромонаха Арсения, если в первой половине XVII века в Троице-Сергиев монастырь на должность ризничих назначали иеродиаконов, то с середины XVII столетия туда стали определять и иеромонахов [Летопись, 1868, с. 46–47]. И все же более типичной была ситуация, когда должность ризничего выполнял диакон.

Хорошо известно, что во главе Московского печатного двора, устроенного в середине XVI века, стал Иван Федоров, служивший в кремлевской церкви Николы Гостунского в сане диакона. Этот факт позволяет предполагать эпизодическую действенность традиции исполнения функций архиерейских управленцев диаконами (заимствованной из греческой церкви), отразившейся в назначении их не только на должности ризничих, но и на Печатный двор. Однако, как сказано в Послесловии к Апостолу 1564 года, Печатный двор был устроен по повелению государя на средства царской казны, то есть был скорее государевым, чем церковным учреждением, хотя и заведенным по благословению митрополита Макария [Послесловие, 2003, с. 524–527]. Кроме того, в Послесловии Иван Федоров не проходит как монашествующий. Можно предположить, что поручение диаконам административных функций при кафедрах и монастырях связано с их частичной, а не полной загруженностью при бого-

служении. В то же время архиерейские ризничие, как и казначеи, были чаще всего представителями черного духовенства. Очевидно, при охране материальных ценностей, монашеские пользовались большим доверием со стороны священноначалия.

Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям. В Московской Руси ризничие функционировали при архиерейских кафедрах и крупных монастырях. Систематически их деятельность прослеживается с XVI века, вероятно, в связи со структурированием церковно-управленческого аппарата. Известны случаи, когда они выполняли не только хранительские, но и представительские и иные функции. Как правило, должность ризничих при архиерейских кафедрах выполняли диаконы, что могло быть результатом греческой традиции назначения на нее священнослужителей, имевших меньшую богослужебную нагрузку.

Библиография

- Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4. С. 5–239.
- Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. Выпуск 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 171–182.
- Астафьева Н. А. Надгробный покров из ризницы Николо-Перервинского монастыря. Атрибуция музейного памятника // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. 2024. № 1. С. 74–83.
- Борисова Т. С. О датировке древнейшей из сохранившихся описей Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 246–259.
- Викторов А. Е. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. М.: Общество древнерусского искусства, 1875а. 142 с.
- Викторов А. Е. Опись патриаршей ризницы 1631 г. М.: Общество древнерусского искусства, 1875б. 123 с.
- Володихин Д. М. Патриаршие казначеи в XVII в // Русь и южные славяне. Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). СПб.: Алетейя, 1998. С. 363–370.
- Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Наука, 1995. 713 с.
- Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуции. Библиография. Л.: Наука, 1969. 248 с.
- Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / сост. иером. Арсений. СПб.: Тип. А. Траншея, 1868. 71 с.
- Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. 1. М.: Моск. гор. дума, 1884. 88, 12, 1384 стб.
- Назаров В. Д. Введение [к публикации актов Успенского собора] // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М.: Ладомир; Янус-К, 1998. С. 7–16.
- Новгородские летописи. СПб.: Археографическая комиссия, 1879. XXIV, 488, 113, [2] с.
- Описи Московского Успенского собора, от начала XVII века по 1701 год включительно // Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1876. Стб. 295–874.
- Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. М.: Художественная литература, 1990. 469 с. (репринт издания: Казань, 1904)
- Послеловие к Московскому апостолу 1564 года // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. СПб.: Наука, 2003. С. 524–527.
- ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 15. Выпуск 1. М.: Наука, 1965. 186, 504 стб.
- Снегирев И. М. Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М.: Август Семен, 1842–1845. 523 с.
- Сочинения прп. Максима Грека. Ч. 2. Казань: Тип. губернского правления, 1860. 460 с.
- Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / подг. Н. Н. Покровский. М.: б.и., 1971. 181 с.
- Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. М.: Искусство, 1979. 184 с.

- Усачев А. С. «Социальное приданое» дочери Малюты Скуратова: Б. Ф. Годунов и Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3(93). С. 72–91.
- Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в М.: Индрик, 2003. 512 с.
- Шмелев Г. Н. Из истории московского Успенского собора. М.: Общество истории и древностей Российских при Московском ун-те, 1908. 214 с.

DMITRY G. DAVIDENKO

SACRISTY OF MOSCOW RUS

Abstract: References to episcopal sacristans in ancient Russian written sources indicate that, in addition to storing objects of liturgical utensils, they also participated in other significant events of church and social life. The deacon's rank among the sacristans indicates the partial effectiveness in Russia of the tradition of performing the functions of church administrators by deacons, adopted in the Greek Church. There is a well-known precedent for the appointment of a deacon not only to the post of sacristan, but also to the Moscow Printing Yard. Such was the first printer Ivan Fedorov, deacon of the Kremlin Cathedral of St. Nicholas Gostunsky. The performance of two important church duties of patriarchal sacristan and treasurer at the beginning of the 18th century by one person, as we learn from the inscription on the tombstone of the Nikolo-Perevrensky monastery, is considered an actual manifestation of the optimization of the patriarchal apparatus.

Keywords: Sacristans, deacons, church administration, patriarchal court, Assumption Cathedral

References

- Alekseev A. I. Sinodik Chudova monastyrja v Moskovskom Kremle [Synodicon of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin] // Vestnik tserkovnoj istorii. 2019. No 3–4. S. 5–239.
- Antonov A. V. Prigovornaia gramota 1566 goda [The Verdict of 1566] // Russkii diplomatarii. Vypusk. 10. M.: Drevlekhranilishche, 2004. S. 171–182.
- Astafeva N. A. Nadgrobnyi pokrov iz riznitsy Nikolo-Perervinskogo monastyrja. Atributsiia muzeinogo pamiatnika [The Tombstone Cover from the Sacristy of the Nikolo-Perervinsky Monastery. Attribution of a Museum Monument] // Podlinnik. Voprosy atributsii i restavratsii. 2024. No 1. S. 74–83.
- Borisova T. S. O datirovke drevneishei iz sokhranivshikhsia opisei Uspenskogo sobora [On the Dating of the Oldest Surviving Inventory of the Assumption Cathedral] // Uspenskii sobor Moskovskogo Kremliia. Materialy i issledovaniia. M.: Nauka, 1985. S. 246–259.
- Viktorov A. E. Obozrenie starinnykh opisei patriarshei riznitsy [Review of Ancient Inventories of the Patriarchal Sacristy]. M.: Obshchestvo drevne-russkogodrevnerusskogo iskusstva, 1875a. 142 s.
- Viktorov A. E. Opis' patriarshei riznitsy 1631 g. [Inventory of the Patriarchal Sacristy in 1631] M.: Obshchestvo drevnerusskogo iskusstva, 1875b. 123 s.

- Volodikhin D. M.* Patriarshie kaznachei v XVII v. [Patriarchal Treasurers in the 17th Century] // *Rus' i iuzhnye slaviane. Sb. statei k 100-letiiu so dnia rozhdeniia V. A. Moshina (1894–1987).* SPb.: Aleteia, 1998. S. 363–370.
- Zabelin I. E.* Istoriiia goroda Moskvy [The History of the City of Moscow]. M.: Nauka, 1995. 713 s.
- Ivanov A. I.* Literaturnoe nasledie Maksima Greka. Kharakteristika. Atributsii. Bibliografiia. [The Literary Legacy of Maxim the Greek. Characteristic. Attribution. Bibliography]. L.: Nauka, 1969. 248 s.
- Letopis' namestnikov, kelarei, kaznacheev, riznichikh, ekonomov i bibliotekarei Sviato-Troitskoi Sergiev Lavry [Chronicle of the Vicars, Cellarers, Treasurers, Sacristans, Economists and Librarians of the Holy Trinity Sergius Lavra] / sost. ierom. Arsenii. SPb.: Tip. A. Transhelii, 1868. 71 s.
- Materialy dlia istorii, arkhologii i statistiki g. Moskvy [Materials for the History, Archeology and Statistics of Moscow]. Ch. 1. M.: Mosk. gor. дума, 1884. 88, 12, 1384 stb.
- Nazarov V. D.* Vvedenie [k publikatsii aktov Uspenskogo sobora] [Introduction (to the Publication of the Acts of the Assumption Cathedral)] // *Akty Rossiiskogo gosudarstva. Arkhivy moskovskikh monastirei i soborov XV – nachalo XVII vv.* M.: Ladimir, Ianus-K, 1998. S. 7–16.
- Novgorodskie letopisi [The Novgorod Chronicles]. SPb.: Arkheograficheskaia komissii, 1879. XXIV, 488, 113, [2] s.
- Opisi Moskovskogo Uspenskogo sobora, ot nachala XVII veka po 1701 god vkluchitel'no [Inventories of the Moscow Assumption Cathedral, from the Beginning of the 17th Century to 1701 Inclusive] // *Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia arkhograficheskoi komissiei. T. 3.* SPb.: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1876. Stb. 295–874.
- Pisarev N.* Domashnii byt russkikh patriarkhov [The Home Life of the Russian Patriarchs]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1990. 469 s. (reprint izdaniia: Kazan', 1904)
- Posleslovie k Moskovskomu apostolu 1564 goda [An Afterword to the Moscow Apostle of 1564] // *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 12.* SPb.: Nauka, 2003. S. 524–527.
- PSRL (Polnoe sobranie russkikh letopisei) [The Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 15. Vypusk. 1. M.: Nauka, 1965. 186, 504 stb.
- Snegirev I. M.* Pamiatniki moskovskoi drevnosti, s prisovokupleniem ocherka monumental'noi istorii Moskvy i drevnikh vidov i planov drevnei stolitsy [Monuments of Moscow Antiquity, with the Addition of an Outline of the Monumental History of Moscow and Ancient Views and Plans of the Ancient Capital]. M.: Avgust Semen, 1842–1845. 523 s.
- Sochineniia prp. Maksima Greka [The Writings of St. Maximus the Greek]. Ch. 2. Kazan': Tip. gubernskogo pravleniia, 1860. 460 s.
- Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki [The Doomsday Lists of Maxim the Greek and Isak the Sbak] / podg. N. N. Pokrovskii. M.: b.i., 1971. 181 s.
- Tolstaia T. V.* Uspenskii sobor Moskovskogo Kremliia [Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin]. M.: Iskustvo, 1979. 184 s.
- Usachev A. S.* «Sotsial'noe pridanoie» docheri Maliuty Skuratova: B. F. Godunov i Iosifo-Volokolamskii monastyr' [Malyuta Skuratov's Daughter's "Social dowry": B. F. Godunov and the Iosifo-Volokolamsk Monastery] // *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki.* 2023. No 3 (93). S. 72–91.
- Fonkich B. L.* Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII v. [Greek Manuscripts and Documents in Russia in the XIV – early XVIII Century] M.: Indrik, 2003. 512 s.
- Shmelev G. N.* Iz istorii moskovskogo Uspenskogo sobora [From the History of the Moscow Assumption Cathedral]. M.: Obshchestvo istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom un-te, 1908. 214 s.

Поступила в редакцию: 13.03.2025

После доработки: 18.04.2025

Принята к публикации: 01.08.2025